

Едва найдя нужное, Чжао Хэн заметил вражескую форму. Спрятавшись, он вспомнил искусство черепашьего дыхания, изученное во дворце. Пусть он постиг лишь азы, этого хватило — никто и не предполагал, что здесь может быть посторонний. Так Чжао Хэн подслушал их разговор. Враги переправили часть своих лучших бойцов через опасные горные тропы, потеряв нескольких человек, но теперь те могли ударить изнутри, согласовав атаку с осаждающими. Сейчас они как раз искали расположение лагеря.

Чжао Хэн был потрясен. Он пролежал в укрытии долго, пока те не ушли. Холодный пот проступил на его спине. Он бросился обратно и впервые поразился собственной выносливости. Прибежав весь в поту, он рассказал обо всём управляющему. Тот, пораженный, на время забыл о самовольной отлучке Чжао Хэна и немедленно доложил генералу. Генерал, узнав, тут же начал готовить оборону. Враги, не зная дороги, продвигались медленно, что дало Чжао Хэну небольшую фору. Но все они были искусными бойцами, и вскоре лагерь был обнаружен.

Чжао Хэн принялся предупреждать окружающих о нападении. Люди пребывали в недоумении — откуда ему знать? — но всё же прислушались. Он отыскал Добряка, который в тот момент ухаживал за ранеными. Снаружи царила суматоха, а внутри один из раненых поднял шум, так что Добряк ничего не слышал. Чжао Хэн повторил весть о враге и, объяснив ситуацию, вручил ему кувшин вина «Белая осенняя роса», взятый в том городке. «Вино отменное, — сказал он. — Я лишь пригубил тогда, а потом пришлось спешно уходить, вот и оставил. Теперь дарю тебе в знак благодарности». Добряк улыбнулся: «Хорошо, позже обязательно попробую».

Они поспешили наружу, где все были заняты. Добряк оставил вино в оружейной, и они принялись таскать припасы. Позже он о чём-то вспомнил, уже было хотел позвать Чжао Хэна, но вдруг замер. Тихо улизнув, он на прощанье взглянул на того и невольно улыбнулся.

Даже подготовка генерала не спасла от внезапности удара. Враги ринулись напрямик к продовольственным складам, намереваясь сжечь запасы. Сторожа отчаянно сопротивлялись. Один из нападавших чиркнул огнем, и страж в ужасе накрыл пламя своим телом. Одежда мгновенно вспыхнула. Стиснув зубы от боли, он побежал прочь. Другой стражник опомнился — вокруг складов были запасы воды — и быстро окатил загоревшееся сено. Остальные последовали его примеру. Враги попытались остановить их, началась резня, но тут появился Добряк. С мечом в руке он вступил в схватку. Он был силен, один сдерживал нескольких, но уже получил несколько ран. Тем временем огонь удалось потушить. Враги уже готовились поджечь склады вновь, когда явился генерал.

Закончив расставлять войска против главных сил противника, генерал поспешил к амбарам. Матёрый воин, он привёл с собой нескольких искусных бойцов, и те быстро перебили диверсантов. Добряк помогал, как мог. Вдруг один из врагов, уже будучи смертельно ранен, метнул в генерала отравленную сюррикэн. Добряк заметил это краем глаза. Убить нападавшего было уже поздно — метательный клинок летел слишком быстро. Чтобы защитить генерала, Добряк бросился под удар. Генерал, не оборачиваясь, швырнул свой нож и пригвоздил убийцу к стене.

Сюррикэн фосфоресцировал ядовитым блеском и засел глубоко в лёгком. Добряк, долго ухаживавший за больными, сразу понял — конец. «Не беспокойтесь обо мне, — сказал он генералу. — Ваши солдаты ждут вас там». Генерал с горечью промолвил: «Прости меня, брат». И ушёл, направившись к городской стене.

Добряк, опираясь на алебарду, шаг за шагом брел вперёд. Кровь ручьями струилась по его одежде. «А вино-то я так и не попробовал, — подумал он. — Наверное, и правда было вкусное».

Перед глазами всё больше расплывалось. Наконец он рухнул — прямо в чьи-то объятия. Чжао Хэн не был дураком, он почувствовал неладное и бросился на поиски. Теперь он нёс Добряка, бежал что есть сил. Тот дышал с хрипом, будто из него выходил воздух. Несмотря на тряску, ему было спокойно — он знал, что с ним Чжао Хэн. «Жаль, — прошептал он. — Не довелось выпить твоего вина».

Чжао Хэн заплакал. Слезы падали на тело друга. «Выпьем, как поправишься, — голос его дрожал. — Каждый день. Там ещё много, я один не смог унести всё».

Добряк знал, что не выживет. «Хватит бежать. Мне уже не помочь».

«Не верю! — рыдал Чжао Хэн. — Ты же такой добрый, тебе бы сто лет жить!»

Добряк закашлялся, на губах выступила пена с кровью. «Я не был добрым. Я многих убил. Добрым я хотел быть только к тебе. Видно, Небо справедливо — не оставляет мне шанса. Если в следующей жизни не будет войны и не придётся убивать, чтобы выжить, тогда я стану настоящим добряком. Но... могу я попросить об одном? Назови моё имя».

Чжао Хэн никогда не интересовался его именем, и теперь ему было невыносимо больно спрашивать. «Как... как тебя зовут?»

Добряк смотрел на него с бездонной печалью. Он не успел ответить. Глаза его закрылись.

«Не засыпай! Не засыпай!» — кричал Чжао Хэн, почти лишившись рассудка.

Он добежал до лазарета. Врач взглянул на Добряка. «Мёртв. Отнесите туда».

Чжао Хэн рыдал, думая: «Зачем эти войны? Зачем Небо забирает таких дураков?»

Он трогал уже холодевшую руку. Возможно, он понимал это с самого начала, просто не хотел верить. Он отнёс тело в сторону. Тут кто-то окликнул его. «Э-э, — произнёс тот человек. — Сяо И, такой сильный, а всё же погиб».

Время будто остановилось. Чжао Хэна пронзил ледяной холод. Теперь он знал его имя.

«Чжао Хэн, хватит горевать, — сказал тот человек. — Снаружи адская суета».

Чжао Хэн наконец пришёл в себя. «Сяо И, — тихо прошептал он. — Я скоро вернусь за тобой».

Он провёл в хлопотах весь день. Благодаря подготовке генерала город удержали, но это была самая кровавая битва — полегло почти половина солдат.

Трое суток Чжао Хэн работал без отдыха. Закончив дела, ночью он тайком вынес тело Сяо И с Могильного кургана и отнёс на то место, где они часто соревновались. Он вылил всё вино «Белая осенняя роса» на тело и вздохнул: «Пожалуй, и так его можно отведать».

Он похоронил Сяо И под деревом. «Здесь красиво. Тебе бы понравилось».

Вернувшись, он лёг спать и проспал до рассвета. Проснувшись, чувствовал себя ясно, без намёка на усталость. Окружающие, видя его в порядке, не приставали — в тот день погибло слишком много, и каждый горевал по-своему. Чжао Хэн, не плача и не крича, оставался незаметным.

Так он и прожил три дня — ел, пил, спал. А ночью встал, взял длинный меч, снятый с одного из

убитых, прихватил верёвку и скрылся в темноте. Он двигался как тень, избегая чужих глаз, прошёл двадцать ли до рассвета, отсиделся на дереве весь день, а с наступлением ночи снова пустился в путь.

Наконец он увидел вражеский лагерь. Он знал, что лучшие бойцы погибли у складов, а с оставшимися простыми солдатами справится. Полагаясь на интуицию, он обходил патрули, а тех, кого обойти не удавалось, рубил своим мечом.

Он нашёл главный шатёр. Чжао Хэн понимал, что действует в ярости, но если командир умрёт, он сможет отплатить за всё — за всех. Он и так должен был умереть. Подкравшись к запасам продовольствия, которые охраняли много солдат, он достал лук, поджёг стрелу и пустил её в сено. Вспыхнуло мгновенно.

Когда он полностью сосредотачивался на чём-то, его инстинкты обострялись до жути. С его-то посредственным умением он сумел избежать всех и спрятался у главного шатра. Он хладнокровно наблюдал за хаосом, выжидая момент.

Наконец появился человек в роскошных одеждах, с благородными чертами лица. Чжао Хэн замер — он явно его знал. Но воин, что охранял этого человека, был знаком Чжао Хэну — тот самый полководец, что долгое время воевал с их государством. В мгновение ока Чжао Хэн изменил план: он решил убить знатного господина. Он уже приготовился нанести удар, как сзади его кто-то схватил. Это был Чжунли Цэ. «Ты ищешь верной смерти? — прошипел он. — Думаешь, тебе везёт? Того, кто шёл за тобой, я уже убрал».

«Как ты здесь оказался?» — тихо спросил Чжао Хэн.

<http://bllate.org/book/16277/1465527>